

УДК 130.2 "19/20"

И.Ш. Шенгелая, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

ФЕНОМЕН ПОСТМОДЕРНИЗМА: ОСНОВНЫЕ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Анализируются философские интерпретации парадигмы постмодернизма в диапазоне от крайне критических до апологетических. Выявлена многосложность, неоднозначность и актуальность этой новейшей реальности мировой культуры вообще и философской культуры, в частности.

Немного найдется сегодня философов, которые могли бы согласиться с радикальным заявлением М.К. Мамардашвили: «Никакого постмодернизма не существует и существовать не может», (отметим, что этот «радикализм» проистекал из восприятия замечательным грузинским мыслителем культуры как «динамической вечности», у которой нет «до» и «после»). Для большинства современных философов и культурологов постмодернизм не только вполне реален, но являет собой доминирующую сегодня в постиндустриальных мирах Запада и Востока (и все энергичнее заявляющую о себе в Украине и России) социокультурную позицию, охватывающую все уровни современного сознания и находящей воплощение в широком диапазоне языков культуры, мировоззренческих программ, художественных стилей.

Чаще всего постмодернизм определяют как новейшую парадигму западной культуры (в том числе философской), которая в своих типологических особенностях сопоставима с двумя предшествующими культурными парадигмами – классической и модернистской (постклассической). При этом постмодернизм находится в своеобразных отношениях преемственности-оппонирования как со второй, так и с первой, по отношению к которой выступает в роли «постпостклассики». Наиболее яркое воплощение постмодернизм получил в философии и искусстве (в последнем в широчайшем морфологическом диапазоне). Но и в политической, социально-поведенческой, научной, религиозной сферах также можно заметить преломления типических характеристик постмодернистской парадигмы.

Прошло немногим более четверти века, как термин «постмодернизм» обрел лингвистическую легитимность в культурфилософском лексиконе, но легитимность эта оказалась обременена довольно широким разбросом концептуальных интерпретаций этого феномена. Причем расхождения эти фактически не затрагивают семантического ядра данного понятия. Практически все исследователи отмечают парадигмальный характер постмодернизма. Набор основных свойств постмодернизма, сформулированный еще

в 70-е годы прошлого века американским литературоведом Ихабом Хассаном, а именно – неопределенность, диалогичность, фрагментарность, деканонизация, ироничность, гибридизация, карнавализация, перформансный акцент и т.п., также не вызывает особых сомнений. Различие позиций проявляется, по сути, в конституировании и оценке места и роли постмодернизма в мировом культурно-историческом процессе.

Проанализируем наиболее характерные концепции постмодернизма. Начнем с подхода, стоящего особняком в постмодернистских интерпретационных коллизиях. У. Эко, культовая фигура сегодняшней Италии и всего постмодернистского движения, всемирно-известный ученый-семиотик, философ-эссеист, автор романов-бестселлеров, выдвинул своеобразную мета-историческую трактовку постмодернизма. Для него «постмодернизм» – это не столько культурная конкретика конца XX века, сколько метакультурная категория. В сопроводительных заметках к своему нашумевшему роману «Имя розы» Эко утверждает, что у каждой эпохи имеется свой модернизм (авангард) и свой постмодернизм. Авангард – это разрыв с прошлым, деформация наработанного прошлым культурного опыта, разрушение языка прошлых культур, ведущее к невозможным языкам, к немоте. Постмодернизм – отсылка модернизма к невозможности уничтожения прошлого. Преодолеть и одолеть прошлое можно не через разрушение, а на пути иронического переосмысления, метаязыковых игр, пародийного жонглирования цитатами, смешения расковыченных текстов в буффонадный контекст. К крупнейшим постмодернистам человечества, согласно Эко, можно отнести гениальных ироников и пародистов своих эпох – Франсуа Рабле для Возрождения, Лоренса Стерна для Просвещения, а в XX веке – это поздний Джеймс Джойс и весь Хорхе Луис Борхес [1, с. 635–637].

Широкую известность в научно-философских кругах приобрела интерпретация постмодернизма, прозвучавшая в книге французского философа Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», опубликованной им в 1979 году. Постсовременность – это время вхождения Запада и Востока в информационную эпоху. Информатизация общества превратила в реальность, предсказанное некогда К. Марксом, превращение знания в «непосредственную производительную силу». Правда, основные характеристики этой реальности оказались принципиально иными, нежели проектировалось марксистами. Вслед за неомарксистом Ю. Хабермасом Лиотар ставит вопрос о легитимации научного знания как проблемы соотношения знания и власти: «знание и власть есть две стороны одного вопроса: кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать?» [2, с. 28]. Но в постсовременную эпоху легитимность эта обретает особый «паралогический характер, поскольку сегодня «паралогичны» и знания, и власть.

Ключевым понятием в концепции Лиотара выступает «великий рассказ» («метанаррация»), а, вернее сказать, отказ от него в постмодернизме. «Великий рассказ» – это некое «заранее легитимированное знание», принимаемое в виде рассказа компетентных инстанций, знание, не требующее обоснований и доказательств, истинное само в себе. Западная культура Нового Времени сформировалась под воздействием «великих рассказов»: классика – метанарратива Духа, постклассика – метанарратива Освобождения. Первый рассказ предлагает систему ценностей, в которой статус познания (науки, философии) самодостаточный и не требует практического подтверждения. Знание ценно само по себе. Второй – видит ценность знания в возможности практического применения для освобождения (от неведения, эксплуатации, старой культуры) человечества, класса, нации. Главная ценность здесь – свобода.

Мировые потрясения XX века показали, что парадигмы классики и модернизма изжили себя (как названные, так и производные, например, коммунистическая метанаррация Светлого Будущего или нацистская метанаррация Мирового Господства «настоящих арийцев»). И знание «само по себе», и освобождение непонятно от чего и неизвестно зачем все менее выступают сегодня общезначимыми ценностями. На смену метанаррациям прежних парадигм приходит «паралогия» постмодернизма. Паралогия – это полная непредсказуемость (в старом смысле классической логики) всего горизонта жизни и мысли. И классика, и модернизм исходят из бинарной оппозиции бытия и присутствия, объекта и субъекта. Причем и в том, и в другом случаях бинаризм является асимметричным. Классика исходит из приоритета реальности бытия – стабильной, целостной, неизменной. Познающий субъект неизмеримо мал и всегда вторичен по отношению к этой реальности. Модернизм на первый план выводит творящего субъекта, а реальность, в конечном счете, оказывается не реальностью бытия, но реальностью определенных практик: философской, научной, художественной. Такому асимметричному бинаризму классики и модернизма постмодернизм противопоставляет предельный плюрализм. Каждая реальность, являясь текстовой по своей структуре, открывает бесконечные возможности для интерпретаций и трансформаций. Каждый феномен реальности воспринимается как «продукт времени и случая» – изменчивый, ситуативный, сингулярный. Принцип «Все подвластно» (Духу или личности творца) трансформируется в предельно открытое – «Все возможно». Современному человеку остается лишь одно – отдалиться текучести и непредсказуемости новейшего мира, стать таким же вечно меняющимся, открытым всем возможностям этого мира.

Одним из первых, в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века, обратился к термину «постмодернизм» для характеристики современных тенденций в архитектуре английский теоретик архитектуры Ч. Дженкс. Он

говорит о «двойном кодировании» – соединении в архитектуре постмодерна традиционного и современного языковых кодов с элементами пародийно-иронического сопоставления различных «текстуальных миров». При этом обеспечивается органическая связь исторической преемственности и современности. Преодоление односторонней элитарности модернизма оборачивается не упрощением, а расширением эстетических возможностей языка новой архитектуры, парадоксально продолжающего и преодолевающего стилистику и классицизма, и модернизма. Такие архитектурные стили, как «постмодернистский классицизм», «постмодернистская готика», «постмодернистское барокко», знаменуют собой не возврат к старым формам, а выработку в каждом конкретном случае особого остро-современного решения.

К позиции Ч. Дженкса близок подход видного российского философа М.С. Кагана. Семиотическое выражение «двойное кодирование» он переводит на язык философской теории общения, где ему будет соответствовать понятие «диалог». Постмодернизм осуществляет этот диалог как с классической, так и с модернистской культурой, что получает свое выражение в «двуслойности» постмодернистских текстов – соотносительности и взаимопросвечивании в них классических и модернистских культурных кодов. Несомненную заслугу постмодернизма Каган видит в преодолении, выявленной в свое время в модернизме Х. Ортегой-и-Гассетом, «дегуманизации искусства». Своеобразным неогуманизмом отмечено творчество всех крупнейших постмодернистов, в числе которых Каган упоминает таких соотечественников, как Михаил Булгаков, Владимир Набоков, Дмитрий Шостакович, Георгий Товстоногов, Альфред Шнитке, Иосиф Бродский, Андрей Тарковский. Что касается пронзительной ироничности как ведущей характеристики творческого почерка почти всех постмодернистов, то она, по мнению санкт-петербургского философа, «является закономерным спутником процесса переоценки ценностей на всех переломных фазах истории культуры» [3, с. 527].

Интересную концепцию постмодернизма предложил белорусский философ М.А. Можейко. Он обосновал конгруэнтность методологических основ исследовательских матриц синергетики (для естествознания) и постмодернизма (для гуманитаристики) и плодотворность их применения для адекватного описания неравновесных самоорганизующихся систем, нелинейной динамики нестабильных самоорганизующихся объектов. При этом парадигма постмодернизма формирует специфическую модель видения и прочтения реальности, опирающуюся на презумпции креативной хаотичности и семиотической артикулированности бытия, и создает свои идеалы и нормы описания и объяснения мира, основанные на принципиальном плюрализме. Таким образом, иконографический метод, ориентирующийся на принципиальную множественность описаний нелинейных динамик, ста-

новится все более универсальной методологией как гуманитарной, так и естественнонаучной сфер. В то же время сфера действия номотетического метода все более суживается до частных задач. В этой связи можно вспомнить вывод современного французского математика Рене Тома о сохранении значения классического детерминизма лишь в виде «маленьких островков» в «море всеобщей нестабильности». Р. Тома, разработавшей математическую «теорию катастроф», уверен, что в мире, сотканном из «единичных фактов», «несоизмеримых величин», «локальных процессов», наиболее актуально математическое моделирование «нестабильностей» на основе неклассической математики нечетких множеств. Еще ближе к постмодернизму известный бельгийский исследователь физико-химических систем Илья Пригожин и философ Изабель Стенгерс, которые в их, написанной в соавторстве книге «Новый альянс: Метаморфоза науки» говорят о познавательной практике «поэтического прислушивания к природе» как оптимального пути научного исследования природы, «способного услышать и воспроизвести ее голос». Эра постмодернизма открыла пути плодотворного диалога естественнонаучного и гуманитарного познания, преодоления бинаризма «наук о природе» и «наук о духе».

Для рассмотренных подходов характерен достаточно оптимистичный взгляд на природу постмодернизма, в котором видят новую веху в становлении и развитии культуры, адекватной основным параметрам информационного общества. Антитезой подобных концепции постмодернизма, позитивно оценивающих его творческий потенциал, выступает резко критическое к нему отношение ряда марксистских и христианских философов. Как правило, те, и другие весьма глобально подходят к пониманию постмодернизма как новой эпохи западной цивилизации, идущей на смену «Новому Времени». И те, и другие с различных мировоззренческих позиций раскрывают кризисный характер этой эпохи, наступающий «закат» западной цивилизации.

Для американского марксиста Ф. Джеймисона постмодернизм выступает последовательным воплощением культурно-эстетической деградации капиталистического общества. После книги М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения» идея истощенности рационально-сциентистско-индустриальной эпохи прочно закрепилась в западном сознании. Главную особенность постмодернизма как культуры позднего капитализма Джеймисон видит в стирании граней между высоким и коммерческим. Засилье халтуры и китча в лавине телесериалов и телешоу, рекламы и дайджестов, киноголливудщины и пара-литературы свидетельствует о «встраивании эстетического производства в товарное производство в целом» со все нарастающим «динамизмом оборота (капитала)» [4, с. 120]. В новом мировом экономическом порядке, разворачивающемся на просторах нового

экономического пространства многонационального капитала, происходит, по мнению Джеймисона, фундаментальная постмодернистская мутация предметного мира и действующего в этом мире субъекта. Мир превращается в набор текстов, что знаменует переход от глубинности культурных моделей классики и модернизма к поверхностности дискурсов и текстуальных игр постмодернизма. Этот гипертекст, представляющий собой бесконечную пародийно-ироническую цитацию предшествующих текстов, обезличивает и авторство и потребление. И постмодернисты сначала провозглашают «смерть автора» (пародийная пролонгация ницшевской «смерти Бога»), а затем фиксируют и тотальную «смерть субъекта». В этом феномене Джеймисон усматривает сдвиг в динамике капиталистической патологии от отчуждения модернистского субъекта к распадению субъекта постмодернистского. А это является, в свою очередь, следствием распада, порожденных классическим капитализмом, централизованного субъекта и атомарной семьи в условиях глобального господства в постиндустриальном обществе все более изощренно структурированного капиталистического бюрократического аппарата.

Христианские концепции постмодернизма избегают столь однозначной идеологизации современных культурных процессов, приводящей к явно упрощенной интерпретации постмодернизма как прямого аналога китчево-массового культурпродукта. Российский философ В.В. Бычков, ориентирующийся на православные ценности, оценивает культурное движение XX века как переход от Культуры к пост-культуре. Отход от Культуры, ориентированной на веру в «Великого Другого как трансцендентного центра Универсума», устремленной «только и исключительно на реализацию творческой, нравственно-полноценной, духовно наполненной жизни», намечается в Западной Европе в XVI веке, с первых шагов на пути сотворения техногенной цивилизации, порывающей с Цивилизациями традиционными. Уже в Леонардо да Винчи российский философ видит «первого сциентиста, утилитариста, эгоцентриста в науке, поставившего ее вне морали». Если основными столпами Культуры были религия и искусство, то таковым столпом техногенного общества стала наука, отринувшая мораль и религию, очень быстро превратившаяся в «рабыню капитала», наиболее полно реализующая себя в двух сферах – «милитаризации общества и производстве предметов, форм, институтов соблазна». Впрочем, ряд веков Культура в классических очертаниях своими религиозно-философскими и художественными поисками и свершениями пыталась противостоять стальной поступи цинически-обездуховливающего техницизма. Но, похоже, сегодня созидательный потенциал Культуры остался в прошедшем. Классика себя исчерпала, и пришло время неонклассики – пост-культуры.

В качестве трех основных феноменов неонклассической культуры В.В. Бычков называет, последовательно сменяющие друг друга на протяжении XX века, авангард, модернизм, постмодернизм. (Упоминается им также консервативная слагаемая современной культуры – своеобразный отголосок классики, зацикленный на ее приемах и формах, но с заметной потерей ее духовно-содержательной глубины.) Под авангардом имеется в виду совокупность новаторских художественно-эстетических движений первых десятилетий минувшего века – от кубизма и фовизма до сюрреализма, под модернизмом – «академизацию» культурной практики авангарда и ее философско-эстетическое осмысление соответственно в 40-е – 70-е годы того же века. Постмодернизм рассматривается Бычковым как новейший этап культуры, где «в пространстве посткультурного (или межкультурного, то есть переходного) вакуума реализуется ситуация принципиально игровой, ироничной ностальгии по всей ушедшей культуре, включая и авангард с модернизмом... совершается своего рода «неоклассическая» (на сугубо игровом уровне как бы опирающаяся на классику) предельно ироническая ревизия модернизма, а вслед за ним и всей предшествовавшей ему культуры» [5, с. 452–453]. Для Бычкова постмодернизм суть чисто эстетический подход ко всему в культуре и цивилизации, но с акцентуацией не главных для классической эстетики категорий прекрасного, возвышенного, трагического, а маргинальных для нее категорий игры, иронии, безобразного. Вместе с тем нашим автором ощущается в постмодернизме некое предчувствие близящегося перехода в новое историческое состояние цивилизации, правда, неясно какое – то ли «качественный рывок» к новой Культуре с новой Духовностью, то ли обрушивание в абсолютную дикость со сверх-технологической базой.

В какой-то мере мыслям В.В. Бычкова созвучна трактовка постмодернизма (правда, при этом используется термин «постмодерн») современного немецкого католического философа Петера Козловски. Постмодернизм выступает у него четвертой эпохой европейского развития, довершая гегелевскую триаду: Античность–Средневековье–Новое Время. Претензия Гегеля на то, что Новое Время станет Царством Духа и тем самым завершающей фазой всемирной истории, оказалась несостоятельной. Апокалипсическое предназначение человека Козловски видит в его саморазрушении. Но вслед за Фридрихом Шлегелем он утверждает, что, прежде чем погибнуть, человечество должно стать достойным своего Конца. Основные утопии, определившие лицо Нового Времени, – коммунистическая, фашистско-нацистская, сциентистски-позитивистская – лелеяли надежду на установление антихристианского по своей сути «нового порядка». В их фиаско Козловски различает определенную возможность возрождения христианско-гностической духовности как формы «познающей религиозности». Эпоха постмо-

дерна может, как он считает, реализовать эту возможность. При этом немецкий автор отдает отчет в многоликости постмодерна, выделяя в нем три основных течения: 1) трансавангард (или поздний модернизм) как попытка превзойти-преодолеть старый авангард; 2) анархический плюрализм стилей культуры и направлений мышления; 3) постмодерный эссенциализм как синтез сущностного мышления с философией субъективности, неоаристотелевско-томистский синтез учения о естественном праве и идей либерализма. Первые два течения заряжены тенденцией разрушительного опустошения культуры. Вторя Эрнсту Юнгеру, Козловски вопрошает: во что превратится наш мир после социально-культурных катастроф Нового Времени – в пустыню или девственный лес? Отсрочку гибели немецкий философ видит в предпочтении «духовного первозданного леса» «духовной пустоте».

Завороженные анархистскими веяниями современности французские постмодернисты, типа Лиотара, Бодрийяра, Глюксмана, отвергают все метанарративы прошлого, в том числе и метанарратив метафизики христианства, утверждая смерть не только «великих идей», но и наличного субъекта. С этим Козловски категорически не согласен: не вся метафизика может считаться оконченной. Отрыв друг от друга религии, науки и искусства привел к кризису культуру Нового Времени. Эссенциализм постмодерна создает предпосылки для новой интеграции этих трех областей духовного на базе не натуралистической, а антропологической метафизики: «человек, а не природа без человека, составляет основополагающую модель всеобщей действительности и источник аналогий в мышлении» [6, с. 39]. Постмодерн как философский эссенциализм есть новый синтез демократических свобод и субстанциональных форм социального и эстетического.

Завершая обзор концептуальных абрисов постмодернизма, хотелось бы сделать некоторые выводы. Автор этих строк не склонен рассматривать постмодернизм как глобальную эпоху всемирной истории, а присоединяется к тем исследователям, которые видят в постмодернизме третью парадигмальную фазу в культурной эволюции западной цивилизации (после классики и модернизма). Как и его парадигмальные предшественники, постмодернизм, таким образом, имеет чисто западное происхождение. Вместе с тем всемирная экспансия западной цивилизации на протяжении всего времени ее существования (с XVII века) привела к проникновению определенных культурных мотивов Запада в иные культуры (восточнославянские, азиатские, африканские). Особенно навязчиво процесс культурной вестернизации разворачивается в рамках модернистской парадигмы с ее империалистическими технологиями внедрения своих культурных образцов в иные цивилизации. Процесс этот находит свое продолжение и на фазе постмодерна, но нельзя не заметить сегодня и встречных влияний иных культур на

западное сознание. Определяющая сущностная примета постмодернизма — акцентуация диалогового и игрового характера культуры, думается, несет в себе некую возможность неогуманизма эпохи информационного общества. Во всяком случае, культурный диалог Востока и Запада, Севера и Юга становится все более актуализирующейся реальностью, несмотря на такие факторы торможения этого процесса, как ожесточенные военно-политические и идеологические столкновения по линии «разлома цивилизаций» (термин С. Хантингтона).

Что касается положительной или негативной оценки постмодернизма, скажем, в бинарной оппозиции прогрессивность-реакционность, то подобный идеологизаторский крен ни на йоту не приблизит нас к пониманию столь сложного и противоречивого культурфеномена. Можно вспомнить как блестящий пример диалектического подхода к исследованию культуры глубокую трактовку ренессансного гуманизма А.Ф. Лосева, как чреватого и вызыванием, и крушением человеческого в человеке. В столь крупном культурном срезе, как постмодернизм, несомненно, сосуществует множество разнонаправленных тенденций, подчас к тому же внутри себя амбивалентных. Более объективную картину того, что собой представляет постмодернизм, можно построить путем внимательного исследования неоднозначности и многосложности этого феномена. В данной статье рассмотрен достаточно узкий круг наиболее примечательных, с точки зрения автора, интерпретаторов постмодернизма. Но их спор друг с другом, само несовпадение этих интерпретаций позволяет различить новизну, актуальность и самобытность этой важнейшей сегодня культурно-философской реальности.

Библиографический список

1. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко // Эко У. Имя розы. — СПб., 1998. — С. 597–644.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. — М.: Институт экспериментальной социологии; — СПб.: Петрополис, 1998. — 160 с.
3. Каган М.С. Эстетика как философская наука / М.С. Каган. — СПб.: Петрополис, 1997. — 544 с.
4. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна. — Минск, 1996. — С. 117–137.
5. Бычков В.В. Эстетика / В.В. Бычков. — М.: Гардарики, 2002. — 556 с.
6. Козловски П. Культура постмодерна / П. Козловски. — М.: Республика, 1997. — 240 с.

Поступила в редакцию 5.03.2004 г.